PROJECT MUSE®

*Провинциальная
“контрреволюция”: Белое
движение и Гражданская война на
русском Севере, 1917-1920 (review)*

Илья ГЕРАСИМОВ

Ab Imperio, 4/2011, pp. 424-437 (Review)

Published by *Ab Imperio*

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0013>

➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/467019>

of culture in the Soviet Union as well as the societies that emerged after its dissolution, in historical and contemporary visual manifestations of urban culture, as well as in the methodological and ethical issues of visual anthropology involving different technical and analytical research tools. Considering the high scholarly level of this work and the ample references to Western literature on visual modality within the social, emotional, and intellectual experiences it incorporates, one could expect an intense interest in this trilogy from the international reader if an English translation becomes available.

Илья ГЕРАСИМОВ

Людмила Новикова. Провинциальная “контрреволюция”: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 377 с., илл. Именной указатель. ISBN: 978-5-86793-897-0.

Это одна из самых хороших исторических книг, которые я читал в последнее время. Помимо того что это высокопрофессиональное историческое исследование (о чем пойдет речь в рецензии), оно написано умным и внимательным человеком и явно в результате многолетних размышлений. Причем это второе обстоятельство кажется мне особенно важным. В основе исследования – обширная работа с источниками из архивов Архангельска (включая архив местного управления ФСБ), Москвы, Мурманска и Гуверовского института; автор к месту и неформально использует обширную историографию на нескольких языках и четко структурирует текст. Однако главная ценность книги Новиковой в том, что здесь профессиональное ремесло сочетается с глубоким историческим мышлением, которое проявляется даже в мелочах: автору кажется важным отметить погодные условия, в которых разворачивается

действие (будь то революция или наступление на фронте), разницу в росте собеседников, возраст и личные обстоятельства даже второстепенных персонажей. В сочетании с грамотным прочтением структурных факторов (социального статуса, экономических интересов, политической конъюнктуры и т.п.) этот изначальный интерес к конкретике жизни делает повествование более объемным и правдоподобным. Этому также способствует дистанцирование автора от того или иного метанарратива и отказ отождествиться с той или иной исторической позицией (“белых”, “красных”, “крестьян”, “морального взгляда на историю” и пр.). В книге, посвященной истории Гражданской войны, нащупать адекватную позицию для историка ничуть не проще, чем современнику определить свое отношение к событиям. То, что Людмиле Новиковой удалось подобрать верную интонацию повествования и дистанцию от материала – редкая удача на фоне современных исследований периода, как российских, так и зарубежных.

Книга состоит из семи глав, исследующих различные аспекты истории становления и краха антибольшевистского режима в Архангельске. Первая глава “Архангельский Север в начале XX века” предлагает краткий обзор состояния региона в межреволюционное

десятилетие. Формально с точки зрения основной темы книги краткость этой вводной главы может быть оправдана. Автор сосредоточивается на сюжетах, которые должны иметь прямое отношение к последующим событиям: на формировании местного регионального дискурса (который был несравнимо слабее сибирского областничества); распространении политических партий и особенностях думских избирательных кампаний (отмечается размытость межпартийных границ и традиции взаимодействия между активистами разных партий); на динамике рабочего и крестьянского протеста (сравнительно незначительного вследствие неразвитости промышленности в крае и специфики северной деревни); а также на реакции на военную и экономическую мобилизацию в годы Первой мировой войны (вполне лояльную). Обзор политического ландшафта, географии, экономики и демографии Архангельской губернии накануне революции 1917 года кажется достаточным для понимания последующих глав книги, и лишь после их прочтения возникают вопросы, ответа на которых в первой главе нет. В этом скорее заслуга, а не вина автора, открывающего для читателя дополнительный потенциал изучения вроде бы стандартных обстоятельств, и нельзя ожидать от

одной книги того, что она заменит собой целую историографическую нишу. Тем не менее приходится отметить, что выделяемые существенные факторы дальнейшего политического процесса скорее традиционно-ожидаемые, нежели аналитически отобранные в результате исследования самого автора. Другими словами, приступая к исследованию, автор вполне логично начинала с экскурса в историю рабочего движения или социалистических партий в Архангельской губернии. Но логика книги должна отличаться от первоначальной логики исследования: располагая результатами многолетнего изучения архангельской политики, в идеале Новикова должна была бы иначе структурировать вводную главу. И если некоторые факторы, значимость которых становится очевидной ретроспективно, после прочтения книги, требовали бы отдельного обширного исследования, то игнорирование других можно справедливо поставить в упрек.

Так, Новикова неоднократно упоминает о роли кооперативов в политической мобилизации 1917–1920 гг. на Севере, называет имена влиятельных политиков,

связанных с кооперацией, и мы знаем, какую большую роль сыграла дореволюционная сельская кооперация после 1917 года в Украине или Сибири.¹ Структурно социальная мобилизация крестьянства через горизонтальные сети экономической солидарности отводила кооперации уникальную роль в позднеимперском обществе, с кооперацией не могли соперничать ни земства (там, где были), ни самые массовые политические партии. Если в Архангельской губернии значение кооперации было скромнее, если Архангельск не играл заметной роли в планах имперской экспансии кооперативного Московского народного банка, если местная кооперация не была ключевым институтом в организации продовольственного дела, особенно после февраля 1917 года, если не распространяла в своих рядах особой собственной версии гражданственности, об этом надо было написать. А если кооперация значила в Архангельске то же, что во многих других регионах страны, то игнорирование ее роли неоправданно даже в традиционной объясняющей схеме политического процесса революционного периода.

¹ Ср.: В. М. Половець. Історія кооперації Лівобережної України. Київ, 2001; Alexander Dillon. The Rural Cooperative Movement and Problems of Modernizing in Tsarist and Post-Tsarist Southern Ukraine (New Russia), 1871–1920 / Ph.D. diss.; Harvard University, 2003; М. В. Панова. Сельская кооперация Западной Сибири в период 1-й мировой войны и революции, 1914–1918 гг. / Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2001 (см. особенно: Гл. 3).

Вторая глава называется “Революции 1917 г. на Севере и рождение антибольшевистского движения”. Первый же раздел главы, посвященный формированию политической конструкции февральского режима в Архангельске, преподносит сюрприз читателю. Согласно Новиковой, в Архангельске не наблюдалось конфронтации между советами и органами Временного правительства. Напротив, различные органы местной власти (включая новосозданное земство, различные общественные комитеты и кооперативные организации) старались взаимодействовать. Исполком местного совета был в полном составе включен в состав архангельской городской думы, поддерживая ее легитимность на протяжении всего 1917 года, а дума активно участвовала в формировании совета и даже предоставила для заседаний свои помещения. Значение принципиального “архангельского оппортунизма” трудно переоценить, очевидна связь этого феномена с традициями местной общности – все это должным образом отмечает и комментирует автор. Это лишь первый сюжет из ряда пронизательно замеченных и проанализированных Новиковой, которые делают ее книгу основополагающей для нового подхода к изучению Гражданской войны.

Следующий раздел, посвященный политическим партиям в 1917 году в Архангельске, демонстрирует партийное измерение межинституциональной кооперации в революционном Архангельске: несмотря на нарастающую радикализацию политической жизни, социалисты широкого спектра смогли выступать в коалиции и маргинализировать большевиков. Достаточно обширный раздел главы посвящен тому, что в советской историографии называлось “триумфальным шествием советской власти”. Как показывает Новикова, признание власти Совнаркома растянулось в Архангельской губернии до лета 1918 года. Изначальная политическая оппозиция большевистскому режиму (продемонстрированная даже Архангельским советом в первые недели после октябрьского переворота) накладывалась на противоречия между интересами региона и центра, а также на протест самых разных слоев местных жителей против доселе неслыханного в крае уровня насилия, являвшегося стандартной политической практикой большевистской власти. Далее в главе кратко обсуждается предыстория союзнической интервенции на Севере как самостоятельного фактора, – но никак не первопричины – разгорающейся Гражданской войны.

Заключительный раздел главы посвящен свержению большевистской администрации в Архангельске в начале августа 1918 года. Автор показывает, что разложившуюся большевистскую власть смела неожиданная коалиция восставших крестьян, офицеров-заговорщиков, местных общественных деятелей и союзного командования. Таким образом, главной проблемой оказалось не избавиться от большевиков, а найти устойчивый компромисс между очень разными интересами их противников. Другим важным выводом главы стала мысль о том, что “провинциальная ‘контрреволюция’, таким образом, стала во многих отношениях продолжением местной революции” (С. 81). Этот вывод, убедительно вытекающий из первых двух глав книги и подкрепленный впоследствии, создает проблемы для автора, стремящегося вписать свое исследование в рамки конвенционного исторического нарратива Гражданской войны: даже взятое в кавычки, слово “контрреволюция” в названии книги оказывается неуместным и, главное, ничего не объясняющим. Впрочем, как и написанное без кавычек словосочетание “белое движение”, что становится понятным уже в следующей главе.

Третья глава, “Правительство Северной области”, в диахрон-

ной перспективе рассматривает изменения конструкции власти в Архангельске на протяжении двух с половиной лет независимого существования края. Книгу Новиковой вообще отличает свободное переключение между модусами повествования, перемещение фокуса с одной социальной группы или института на другой, что свидетельствует о том, что автор не находится в плену у материала или одного сквозного мастер-нарратива, но выстраивает исследование в соответствии с некой аналитической моделью (к сожалению, не вполне последовательно отрефлектированной). В третьей главе Новикова прослеживает неравномерный и многофакторный процесс поисков компромисса между основными политическими силами Северной области под влиянием логики ситуации, идеологических предпочтений каждой из сторон, а также личных обстоятельств. Первоначальная левизна архангельского правительства вызвала путч недовольных военных, однако при посредничестве союзного командования, а главное под влиянием местного общественного мнения острый политический кризис был преодолен, переворот удивительным образом “отыграли вспять”, был достигнут очередной компромисс. На фоне нравов, царивших в других антибольше-

вистских центрах, не говоря уже о московском правительстве, этот самый острый внутривластный кризис в Северной области поражает умеренностью политических страстей. Постепенно усиливающаяся власть военных и низведение гражданского правительства к роли технического придатка при генерал-губернаторе объясняется Новиковой вполне сознательным, добровольным выбором местных политиков в условиях затяжной Гражданской войны. Даже социалисты признавали необходимость твердой военной власти, делая выбор в пользу “государственных интересов над классовыми” (С. 126). Этот ключевой фактор объясняет, согласно Новиковой, и силу (устойчивость) и слабость архангельского режима (нарастающее отчуждение консолидированной власти от “простых северян”, а также двойственное отношение к союзникам-интервентам).

К сожалению, автор не останавливается подробно на анализе идеи “русской национальной государственности” – или различных

ее интерпретаций разными политическими силами на Севере. Что значит “национальной”: поморской? Общерусско-культурной? Политически-гражданской? Государственно-общественной? Книга Новиковой подкрепляет предположение о том, что залогом победы большевистского режима стало распространение “нового этатизма” в результате политических кризисов и разочарований периода войн и революций в России. Новый этатизм, возникший на фоне полного краха старой российской государственности и альтернативных проектов ее модернизации, не только порывал с давней традицией стихийного недоверия государству (вплоть до идейного анархизма) дореволюционной общественности, но и резко отличался от прежнего бюрократического этоса службы в диапазоне от “хорошо управляемого полицейского государства” (типичного для старшего поколения чиновничества) до “правового государства” (характерного для “нового поколения бюрократов”).² Новый этатизм,

² Это фундаментальное отличие разных сценариев “государственности”, хорошо прослеживающееся по изменению публичного дискурса и социальных практик игнорируется, к сожалению, сторонниками схемы единой “русской модерности”. Выстраивание телеологических схем преемственности (или даже идентичности) политической культуры эпохи великих реформ и раннесоветского общества обычно опирается на расширительное толкование тезиса одной из важных работ: Peter Holquist. To Count, to Extract, to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // Ronald Suny and Terry Martin (Eds.). *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. New

который возникает одновременно по разным сторонам линии фронтов Гражданской войны, среди различных социальных и политических групп, видит в некоем синкретичном (институционально недифференцированном и мощном) государстве залог единства России, а также главный двигатель и конечный смысл ее существования. Все позднейшие спекуляции философов и публицистов о каких-то традициях византизма в России, преемственности с временами Иоанна Грозного и прочие историко-философские фантазии игнорировали глубочайший разрыв новой государственнической идеологии (до сих пор преобладающей в российском общественном сознании) с культурным кодом, политической традицией и юридической практикой предшествующих двух столетий имперского периода. Людмила Новикова должным образом отмечает возникновение и распространение новых настроений в северном обществе по мере затягивания Гражданской войны и проницательно указывает на последствия этих настроений для коллапса архангельского режима. К сожалению, она упускает возможность проанализировать

сам феномен нового этатизма на богатейшем и благодатнейшем материале, имеющемся в ее распоряжении.

Четвертая глава посвящена союзной интервенции на севере России, рассмотренной с точки зрения политических целей и повседневного опыта как самих союзников, так и областных властей и простых северян. Не задаваясь специальной целью развенчивать старые историографические мифы или, тем более, предложить некий контрмиф о спасительности миссии интервентов, исходя исключительно из логики собственного исследования, Новикова убедительно показывает второстепенное значение интервенции на Севере. Начиная с невысоких боевых качеств личного состава, немногочисленности контингента для решения каких-либо самостоятельных оперативных задач и кончая демонстрируемой командованием смесью колониальных проекций и непонимания политической обстановки в России (не говоря уже про отсутствие согласованности и политической воли у союзных правительств) – все это предопределило неудачу интервенции. Автор прослежи-

York and Oxford, 2001. Pp. 111-144. В этой историографической традиции различия между “красной” и “белой” модерностью считаются эфемерными, а возникающий культ государства не новым феноменом, а полной реализацией изначального сценария российской модерности, прежде тормозившегося полуархаическим царским режимом. Книга Новиковой рассказывает историю, наглядно (хотя и без всякого сознательного умысла) опровергающую эти теоретические построения.

вает интересное и неоднозначное воздействие интервенции на изменение общественного сознания в Архангельске: симпатия и раздражение (не в последнюю очередь на почве нарушения коммерческих интересов) со стороны населения, ревность российских офицеров, метания между осознанием политической выгоды и иррациональными страхами среди политиков... Интервенция стала идеальным объектом внешних проекций внутренних фобий, надежд и желаний у различных групп населения Северной области, и Новикова умело считывает и интерпретирует эти проекции.

В отличие от четвертой главы, целиком структурированной логикой исследования автора, глава пятая “Политика правительства Северной области” во многом следует историографическому канону, опровергая или подтверждая сложившиеся суждения. Это объясняется как сложностью задачи воссоздания развернутой позитивной программы действий сменявшихся правительств Северной области, так и отсутствием собственной проработанной аналитической модели архангельского режима у автора. Новикова начинает главу с дезавуирования идеологических штампов, запечатленных на большевистских агитках (“белый генерал в ‘царской шапке’, которого везут к власти ‘буржуй’, ‘поп

и ‘кулак’”) не просто потому, что это выгодный риторический прием, но и потому, что не вполне выработала собственную позитивную объясняющую схему. Она убедительно показывает, что, несмотря на общий вектор в сторону поправления, для архангельского правительства в целом была характерна активная социальная политика, установка на отделение церкви от государства, поддержка прогрессивной реформы системы образования. Несмотря на перманентный политический кризис и условия военного времени (и насколько это было возможно в этих условиях), правительство было твердо ориентировано на демократию и соблюдение законности. Однако эту позицию очень трудно описывать в позитивных категориях вне структурирующего советского (или антисоветского) нарратива. Как социологически охарактеризовать людей, стоявших во главе Северной области более двух лет? Несмотря на то что возглавивший правительство Николай Чайковский оказался в Архангельске случайно, буквально проездом, а другие члены правительства были уроженцами города, несмотря на то что они принадлежали разным профессиональным и политическим слоям, их явно объединяли общая политическая культура, этос и кругозор. Называть их “белыми”

(как иногда вынуждена делать Новикова) – бессмысленно, “контрреволюционерами” – неправда, продолжателями Февральской революции – требует существенных объяснений (к сожалению, отсутствующих в книге). Не прояснив генеалогию этой общности и не реконструировав объединявшую их идеологию, трудно понять мотивацию архангельских политиков. Поэтому нужно признать особой заслугой автора то, что ей удалось хотя бы дескриптивно, через идентификацию и анализ наиболее значимых направлений политики архангельского правительства наметить контуры идеологии, по-прежнему остающейся без названия и привязки к определенным социальным группам. Основными элементами этого описательного “фоторобота” стало отношение правительства к рабочему вопросу, социально-экономическая политика, подходы к решению продовольственного снабжения, аграрная политика, мероприятия в области здравоохранения и народного просвещения, отношение с церковью и национальная политика (особенно в отношении карельского национального движения).

Другим важным итогом главы стал вывод Новиковой о том, что прямой связи между политикой правительства и успехами в Гражданской войне нет. По сравнению

с большевистским режимом, правительство Северной области выглядело едва ли не образцом гуманизма и социально ответственной политики, однако это не гарантировало ему самоотверженную преданность населения. “Хотя население Архангельской губернии могло сочувствовать многим шагам белой власти, характер войны на низовом уровне определялся другими законами – законами мести и традиционной вражды, которые стали главным двигателем народной гражданской войны” (С. 190). В данном случае Новикова обращается к распространенному среди историков разных направлений мнению о том, что победа большевиков в Гражданской войне была обеспечена социальной близостью их политики большинству населения (особенно по контрасту с реставраторскими белыми режимами). Северная область позволяет поставить чистый эксперимент: отсутствие даже гипотетической угрозы возвращения помещиков (которых никогда на Севере и не было), прогрессивная социально-экономическая политика, сравнительно невысокий уровень политических репрессий – и при этом незначительная роль именно “идейного” компонента в мобилизации населения вокруг правительства. Безусловно, проблема природы Гражданской войны в

России не является центральной для рецензируемой книги, и то, что книга заставляет задуматься над этой проблемой и предоставляет для этого грамотно проанализированный материал, является одной из заслуг автора.

Глава шестая “Белое движение и народная война” посвящена регулярным и нерегулярным (партизанам, ополченцам) вооруженным формированиям Северной области и вообще показывает Гражданскую войну как социальный процесс. Вновь приходится отметить проблематичность использования выражения “белое движение” на странице книги Новиковой. Оно вполне уместно, когда используется в качестве категории практики и самоописания, и даже плодотворно с исследовательской точки зрения, коль скоро обращает внимание на конфликт между некими распространенными представлениями о “белой идеологии” (заимствованными из опыта режимов Колчака или Деникина) и реалиями Северной области. И разумеется, нигде неуместность использования этого выражения как категории анализа не становится столь очевидной, как в шестой главе, например, в разделе, посвященном отрядам крестьянской самообороны или “белым” партизанам.

В целом же, это ключевая глава книги, глубокая по анализу и

собранному материалу. С одной стороны, очень важны сведения о добровольческих крестьянских отрядах, сражавшихся с большевиками, с другой важен и авторский анализ проблемы “белого террора”. Новикова делает вывод о том, что отличия “белого” и “красного” террора заключались даже не в масштабах (беспрецедентных в случае большевиков) или в процедурном оформлении репрессий, а в том, что в Северной области “Белый террор, несмотря на мстительность некоторых военачальников и упорство старорежимных судей, не являлся средством социальной инженерии” (С. 203). Ключевой мотивацией для народной поддержки северного правительства была не угроза террора и не привлекательность режима (о чем упоминалось выше), а защита локальных интересов и уверенность в устойчивости власти. В этой связи возникает вопрос: насколько реалистичен оказался бы на Севере сценарий “Острова Крыма”, то есть попытка защиты уже контролируемой режимом территории и отказ от наступательной тактики? Вероятно, неприемлемый для “всероссийско-мыслящей” политической верхушки области этот сценарий наиболее отвечал народным настроениям, во всяком случае, насколько они проявили себя в социальных и политиче-

ских практиках, анализируемых Новиковой.

Так или иначе Северная область сдалась большевикам, и этому посвящена последняя, седьмая глава “Падение Белого Севера и советизация Архангельской губернии”. Перечисляя объективные факторы, приведшие к коллапсу архангельский режим, включая эвакуацию войск союзников и экономические затруднения, автор делает вывод: “Северная область рухнула сама собой под тяжестью неоправдавшихся надежд и непосильной для нее армии” (С. 243). Формально тяготы, испытываемые населением, не шли ни в какое сравнение с тем, что испытывали жители победоносной “Совдепии”, фронт оставался стабилен (во всяком случае, давление Красной армии здесь было несопоставимо с давлением на армии Колчака и Деникина). Но успехи на фронте только увеличивали потребность в новых призывниках, а поражения подрывали веру во власть. Судя по тому, что рассказывает Новикова, Северная область проиграла в Гражданской войне именно потому, что представляла собой успешный “проект” послереволюционной нормальной жизни. Со всеми оговорками после четырех лет изнуряющей мировой войны и нарастающего расстройств хозяйства, режим

Северной области обеспечивал своим гражданам правовые и экономические свободы и объявлял заботу об их благосостоянии одной из своих главных целей. Именно эта установка на “нормальность” являлась основой политического консенсуса в Архангельске при разных правительствах. Поражение армий Колчака, Деникина и Юденича лишило рядовых граждан и политиков надежды на победу в Гражданской войне, продолжение которой на прежних основаниях – при рыночной экономике и правовом государстве – стало невозможным. Новикова доказывает, что первопричиной поражения Северной области стал именно крах веры населения и правителей в политический проект “острова Архангельск” в начале 1920 года. В течение дней, к удивлению большевиков, рассыпался фронт, развалились органы управления. За капитуляцией последовала вакханалия красного террора, по жестокости и продолжительности сопоставимая только с Большим террором 1930-х годов (и ставшей его прямой предтечей, по мнению Новиковой). Единственной “рациональной” функцией красного террора в Архангельском крае была типичная для большевиков “социальная инженерия” методами политики тела, то есть физическое уничтожение враждебных

социальных групп и потенциальных носителей инакомыслия.

Сплотились бы жители Северной области вокруг режима, пошли бы правители на крайние меры, если бы знали, к каким чудовищным жертвам приведет их поражение? Отличался бы от большевистского режим, переживший их “секрет успеха”: эскалацию насилия до уровня, превосходившего уровень насилия в стане противника?

Четко структурированная, аналитичная, основанная на обширном эмпирическом материале, книга Людмилы Новиковой воспринимается не только как передовое историческое исследование, но и как горькая философская притча о свободе воли и отсутствии исторического детерминизма. Не демонизируя большевиков и не идеализируя их оппонентов, книга наглядно показывает, что демократический режим в пост-февральской России был не более утопичен, чем большевистский; что стихийный большевизм был столь же характерным настроением “народа”, как и не менее стихийная поддержка правового режима. Что конфликтные и не вполне отрефлексированные идеологемы “государственности”, “национальности” сыграли столь же роковую роль в политических процессах Гражданской войны, как и призывы к разрушению

прежних государственных институтов и перераспределению собственности. В общем Новикова говорит о том, что исход революции и Гражданской войны в России был столь же логичен, как и непредсказуемо случаен.

Книга Людмилы Новиковой открывает новый этап в историографии Гражданской войны в России. После ее выхода, нельзя уже писать о “белом движении” и “контрреволюционном лагере”: как показала Новикова, не только не существовало некой цельной “белой” идеологии, одинаковой в Сибири, Крыму и Архангельске, но даже в пределах одной небольшой Северной области не было никакой общей “белой” идеи. Еще более нелепо называть антибольшевистские движения и правительства контрреволюционными, даже когда во главе них стояли монархисты. Историкам придется разрабатывать новую концептуальную рамку и создавать совершенно новый язык для описания противостояния сил в Гражданской войне.

Очевидно, что на повестку дня выходит задача осмысления – и написания – истории становления революционного порядка как процесса перераспределения влияния внутри городского “локального общества” и поиска компромисса между различными группировками внутри него. Именно так, по

сути, описывает становление и эволюцию постфевральского режима в Архангельске Новикова. За неимением разработанной аналитической модели, она пользуется термином “региональная элита” (или “городская элита”) – столь же не информативным, сколь и бессмысленным (но очень популярным среди российских “экспертов” и обществоведов). К какой такой “элите” принадлежал учитель гимназии с жалованьем в 720 рублей в год? Купец средней руки? Чиновник городской управы? Однако в течение десятилетий в провинциальных городах формировалось “общество”, которое было достаточно структурировано и даже иерархизировано, но перед лицом кризисов неизменно спланивалось и демонстрировало высокую степень солидарности и способность к компромиссам. Как показала Новикова и как свидетельствуют примеры других провинциальных центров (например, Смоленска или Саратова),³ распространение языка партийности в 1917 году оказалось вторичным по отношению к существовавшим структурным делениям и сетям солидарности в локальном

обществе. Установление большевистской власти сопровождалось физическим уничтожением структур локального общества, несмотря на то, что формально ни эти структуры, ни конкретные люди, их представлявшие, не несли никакой угрозы новому режиму.

Новое понимание логики возникновения и функционирования небошевистских режимов, которое предлагает книга Людмилы Новиковой, делает актуальной задачу пересмотра по аналогичной исследовательской схеме истории возникновения советского государства на руинах постфевральской государственности. До сих пор лучшие исследования в этой области либо демонстрируют зависимость от социал-демократического историографического канона с его фиксацией на роли партий, советов как самостоятельном институте и фантастической интерпретации позднеимперской социальной динамики (будь то “двойная поляризация” или “сращивание общественности и государства”), либо вовсе дистанцируются от изучения институтов и политических процессов, сосредоточившись на “культуре”

³ Cp. Donald J. Raleigh. *Revolution on the Volga*. Ithaca, NY, 1986; Michael Hickey. *Discourses of Public Identity and Liberalism in the February Revolution: Smolensk, Spring 1917* // *Russian Review*. 1996. Vol. 55. October. Pp. 615-637. В большей или меньшей степени вписанные формально в традиционную схему “двойной поляризации” и противостояния советов и органов Временного правительства, эти работы рассказывают несколько иную, значительно более нюансированную историю местных обществ.

Daria BOCHARNIKOVA

и антропологии индивидуально-го восприятия революционного общества.⁴ При этом остаются без ответа простые и предельно конкретные вопросы: Кто были люди, составлявшие костяк советских органов, каков был реально их культурный кругозор, идеологический горизонт? Откуда брались чекисты? Каково происхождение крайне специфической делопроизводственной культуры той же ЧК, отличающейся как от конспиративного примитивного “делопроизводства” партийных кружков, так и от стандартов дореволюционного МВД? Как объяснить чудовищную жестокость террора “обыкновенного большевизма” – по замечанию Новиковой, качественно неотличимого от сталинского террора? Как ни странно, некогда казавшаяся самоочевидной “народность” большевистского режима сегодня представляется крайне проблематичной, а поиск социальных и культурных корней большевизма в позднеимперском обществе – актуальнейшей и весьма непростой исследовательской задачей.

⁴ Примерами последнего подхода являются работы Б. И. Колоницкого (см., напр.: Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. Санкт-Петербург, 2001) и И. В. Нарского (см.: Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. Москва, 2001).

Марк Меерович, Евгения Конышева, Дмитрий Хмельницкий. Кладбище соцгородов: Градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. Москва: РОССПЭН, Фонд “Президентский центр Б. Н. Ельцина”, 2011. 270 с. ISBN: 978-5-8243-1518-9.

This book examines one of the most fascinating periods in the history of Soviet city construction, a time of rapid industrialization and urbanization, when dozens of new cities appeared on the map of the USSR, and a time marked by vigorous professional debates on the design of the future socialist city, known in historiography as the discussion on the socialist city (*sotsgorod*) or the debate on the socialist settlement (*sotsrasselenie*).¹

¹ Both terms are widely used in historiography, that is, Khazanova employs the term “discussion of the socialist city” (see V. E. Khazanova. *Sovetskaia Arkhitektura Pervoi Piatiletki: Problema Goroda Budushchego*. Moscow, 1980), whereas Khmel'nitskii prefers the term “discussion of the socialist settlement” (see D. Khmel'nitskii. *Zodchii Stalin*. Moscow, 2007). Russian expert on Soviet avant-garde architecture Khan-Magomedov proposed an alternative title for the debate – the Second Urban Planning Discussion that followed the First, which took place in 1923–1924. Throughout this review I will use the term debate on the socialist city as a broad term to refer to the theoretical debates